

Как меч холодный в грудь его проник,
Дрожа от гнева, бросил свой тайник;
Едва он брата речь уразумел,
Как, обезумев, бледный словно мел,
Он поднялся из-за густых ветвей:
«Арсита подлый! Подлый лиходей!
Ты пойман. Даму любишь ты мою,
Из-за которой муку я терплю.
Ты кровь моя, ты названный мой брат, -
Уже корил тебя я в том стократ, -
Оплел ты ложью герцога Тезея,
Чужое имя принял, не краснея,
Иль сам умру я, иль тебя убью.
Тебе ль любить Эмилию мою?
Один люблю я, и никто другой.
Я – Паламон, смертельный враг твой.
Хоть чудом я избавился от пут
И хоть со мною нет оружия тут,
Я не боюсь тебя! Погибнешь ты
Иль бросишь об Эмилии мечты.
Так выбирай. Ты не уйдешь, злодей».
Арсита в грозной ярости своей,
Его узнав и слыша эту речь,
Свиреп, как лев, из ножен вынул меч.
«Клянусь, – он молвил, – господом всевластным!
Не будь ты одержим безумьем страстным
И будь ты тут с оружием своим,
Из рощи ты бы не ушел живым,
А здесь погиб бы от руки моей.
Я отрекаюсь ото всех цепей,
Которыми сковали наш союз.
О нет, глупец, любовь не знает уз!
Ее люблю тебе наперекор,
Но так как ты ведь рыцарь, а не вор
И даму порешил добыть в бою,
То завтра же – я слово в том даю -
Тайком от всех я буду в этом месте,
Как рыцарской моей пристойно чести.
И лучшую тебе доставлю сбрую,
А для себя похуже отберу я.
Тебе дам на ночь пищу и питье
И для ночлега принесу белье,
И если даму ты добудешь с бою
И буду я в лесу убит тобою,
Она – твоя, коль нет других препон».
«Согласен я», – ответил Паламон.
И разошлись, друг другу давши слово
Сойтись в дубраве той же завтра снова.
О Купидон, чьи беспощадны стрелы!
О царство, где не признают раздела!
Недаром говорят: в любви и власти
Никто охотно не уступит части,
Познал Арсита это с Паламоном.
Арсита мчится в город быстрым гоном.
А поутру, в передрагасветный час,